

Москва.
Эпизод. м-р
мр. А. Демидов

Эпизод. 7-р мр. А. Демидов
Лит. Россия - 1989 - 130 кт (144) - с 21.

Не подумайте, что я отсталый человек. Но когда от сына случайно узнал, что в Москве есть эротический театр, не поверил! Что же — там все так и показывалось? Одно дело — в кино. Да и в кино, я вам скажу, слишком уж нынче перебарщивают — где надо и где не надо. Но театр! Может, я чего-то не понимаю? Сын говорит, что это искусство...

Может быть, вы расскажете поподробнее?

В. ШИМАНОВ,
пенсионер
гор. ЖУКОВСКИЙ

— Зрителей не выбирают, — грустно говорит Александр Демидов, режиссер еше привычного театра. — А когда мне некоторые зрители заявляют, что на моих спектаклях было мало эротика, я вовсе познанию глечамки. Наверное, они ждали, что я им покажу в чистом виде половой акт. Но тогда это будет, вы меня извините, порнография! Во многих странах Запада порнография официально запрещена, с ней борются, то есть знают, что это такое, А мы до сих пор не знаем.

— То, что вы мне говорите, вам как режиссеру не приходилось доказывать на более высоком уровне?

— Нет. Но, быть может, у меня все еще впереди. А по образованию я театральный критик, окончила ГИТИС в 1968 году. Написала несколько книг по балету. Пятнадцать лет проработала в журнале «Театр», десять

ласс только несовершенства тела. А что касается подзорных труб... Если люди, идя на спектакль, хотят посмотреть только на обнаженные... женщины, то, может быть, в третий, пятый раз им стоит поехать на сцену и нечто большее...

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА. Мне не было страшно выйти на сцену. В школе бывало страшно, когда выставляли и досле. Я живу с родителями. Они были на спектаклях. Если честно, они не очень доверяют вообще театральной среде, про антеров ведь чего только не говорят! А мои сверстники любят бывать на спектаклях. В театре Демидова я почувствовала самое главное — уверенность в себе, ощущение внутренней свободы. Я перестала жить с оглядкой: что обо мне скажут соседи... Как я понимала сансую свободу! Я понимала только свободу. А это и ум, и душа, и интимная близость. Но без первых двух слезливых любви не бывает. Остаются сенсорная невосприимчивость, распушенность. На одном из наших спектаклей в зале было много подмигивающих — подростки. Они вслух комментировали действия. Но все равно — пусть они лучше посмотрят красивую эротичку в спектакле, чем останутся в жизни на уровне пошлого анекдота. Что читают? Как всегда, Чехова, из всех гастролей беру с собой сборники его пьес.

ОЛЬГА РОГОЗИНА. Я живу с мамой. Мама у меня не консервативный человек, но мне самой долгом являлось быблио близко звать ее на спектакли... Я боялась, что она не поймет, а меня бы это очень огорчило, потому что я убеждена в красоте нашей работы. Сегодня мама снова была на спектакле — она в восторге. Ради театра я бросила институт на втором курсе, перед весной поехала в Ленинград. Там Демидов (Кан Демидов) театр — моя жизнь. Здесь я стала другом человека. У Демидова, на котором я была не была антер, не существует

ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

СМОТРА КТО В ЗАЛЕ...

Сцена из спектакля «Геро»
(на тему «Былая»)

из них — заведующим отделом критики. Там, в моем кабинете, когда сотрудники расходились вечером, и начинались первые репетиции. С тех пор минуло десять лет.

— Репертуар ваш десять лет назад, конечно, был иным?

— Конечно. Первый спектакль «Ромео и Джульетта» мы показали в 1979 году. Это, условно говоря, был одетый спектакль, хотя очень чувственный, эротичный. Эротика, на мой взгляд, вообще лежит в основе искусства. В спектакле эротика — элемент художественной эстетики. Это отнюдь не самоцель. «Ромео и Джульетта» нравилась любовнику. Он притянул нас, и мы выступили на Таганке. Недолго, правда. Вообще мы десять лет прожили бесплатно. Без единой копейки. На чистой любви к нашему делу. Где мы только не скитались! Потом приоткрылись в одном институте. Там я нашел одаренных людей — они бросили институт ради театра, я соединил их с профессиональной частью, и эта труппа работает сейчас. А нынешний репертуар был создан на третьем этаже кинотеатра «Славя», в холодном, захламленном зале документальных фильмов.

— Для иностранных зрителей театр такого рода, как ваш, по-видимому, не нов?

— Когда иностранцы стали появляться на моих спектаклях, я не очень их понимала... Но потом решил, что для них в этом все-таки есть некоторая новизна. Они ведь привыкли к чистому шоу. А это сюжетно, построено драматургически и психологически, это не просто конкурс красоты, не варьете. Это типы, характеры, ситуации из жизни.

— И ваши актрисы сразу же это поняли?

— Им всякий раз давалась определенная психологическая задача, и они действовали в рамках, так сказать, психологизированной содержательной эротики. Девушки подошли очень просто и естественно к этому, наверное, еще и потому, что они все очень чистые люди.

ЛИНА БЫСТРОВА. Я закончила ГИТИС в 1982 году. После ГИТИСа, работая в Театре сатиры, я пыталась найти какой-то выход, ибо работа не устраивала. Демидов сам позвонил мне. Конечно, меня очень часто спрашивают по поводу обнажения. Странная вещь, но это обнажение тела мне как актрисе дало возможность раскрепоститься внутренне. Это было не мое показ тела, а мое осознание, когда зрители выходят на простор — все комплексно, все зримое, все болевые точки... И я почувствовала свою человеческую, личностную силу, без которой вообще невозможно работать на сцене. Первый раз мне было страшно выйти на сцену. Но я стала

компансом второстепенности — там у меня и в жизни театры! А то, что в жизни есть мужчины с подзорными трубами, — это реакция дикого, духовно подавленного человека.

— Мое поколение, — продолжает Демидов, — росло в условиях жестокого сексуального зажима. Но мои одноклассники нередко бываю на спектаклях, и как это им странно, чем старше люди, тем здоровей они воспринимают. Самые «опасные» прослойки зрителей, думаю, в возрасте от 40 до 45 лет.

— Нет ли здесь взаимосвязи с политической развращенностью людей?

— Безусловно. И если мы хотим оздоровить общество в отношении половой культуры, нужно в первую очередь не врать политически. Это основа эстетического воспитания. А его конечная цель — восхищение красотой. В том числе красотой обнаженного женского тела.

ИНТЕРВЬЮ В АНТРАКТЕ
ДМИТРИЯ НЕВСКИЙ (студент МФТИ, 21 год, на манат). Здесь искусство. А видеопорнография быстро надоедает. Возражая бы я, если бы моя девушка играла в таком спектакле? Нет. А что здесь страшного?

САША (инженер-математик, 36 лет) и ЛЕНА (социолог, 33 года). (Собираются поговорить.)

САША. Нет, я не чувствую никакого нечестия, приди со своей нестойкой. ЛЕНА. Позволяла бы я своей дочери играть здесь? Я бы спросила ее саму. Смогла бы сама? С точки зрения психологического барьера — смогла бы. Мои подруги? Очень по-разному. Все зависит от воспитания, мамы. Я думаю, такой театр может послужить хорошей цели — снятию определенных запретов, освобождению психики.

ВЕРА НЕСТОВСКАЯ (39 лет, замужем, журналистка-фрилансер). Подозреваю, что бы в зале? Это говорит о том, что все хотят знать, что это такое!

Так что же это такое?

Александр Демидов:

— Мой театр — о женщине и о любви.

Это...
Не надо, не стоит ничего объяснять. Каждый поймет по-своему. У меня, во всяком случае, театр Демидова протеста не вызвал. Это зрелище заставляет думать, хотя кто-то, наверное, после представления схватится за порножурналчик, дабы усилить впечатление. А другой напишет. Нет, не рецензия — полетит и долетит куда следует бумажка в защиту нравственности. А третий... Кто он, посвятивший Ане Быстровой стихи, — их передал ей после спектакля? Стихи красивые, чуть наивные. Аня к такому еще не привыкла. Увы...

Глеб КУЗЬМИН